

**ЛИКИ ФЛОРЕНЦИИ В ИТАЛЬЯНСКИХ СТИХАХ
АЛЕКСАНДРА БЛОКА***

Сергей Федякин

Литературный институт им. А. М. Горького,
Москва, Россия

**THE FACES OF FLORENCE IN ALEKSANDR BLOK'S
ITALIAN POEMS****

Sergey Fedyakin

Maxim Gorky Literature Institute,
Moscow, Russia

This article examines the first two poems in Aleksandr Blok's cycle *Florence*, which describe two opposite images of the city. The poet visited Italy in 1909, and his impressions are reflected in these poems. In the first poem, the city is compared to "Judas": the poet maintains that Florence has betrayed its glorious past for the sake of the benefits accruing from civilization. Blok's curses are reminiscent of his argument with V. V. Rozanov about the earthquake in Messina. Rozanov perceived the tragedy sympathetically, as a person capable of perceiving the smallest details of life. Rozanov accused Blok of indifference because the poet considered the earthquake a prologue to future disasters in the life of mankind. The second poem of the cycle compares the city to "a delicate iris". The tone of denial in the first poem forced the editor of the *Apollon* magazine to refuse to publish the poem, though Blok explained in a letter that the image had been achieved through suffering. Blok's perception of Florence was formed by signs of modern life, by Dante's story (who was expelled from his hometown and found shelter in Ravenna), and by an episode where Blok witnessed the transportation of a dead man. The second image is connected with the poet moving to another part of the city by the Cascine Park, where there were many irises. The image of

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта «Русское присутствие в Италии в первой половине XX в.», проект № 17-04-00126-ОГН.

** Citation: Fedyakin, S. (2020). The Faces of Florence in Aleksandr Blok's *Italian Poems*. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 3. P. 861–870. DOI 10.15826/qr.2020.3.500.

Цитирование: Fedyakin S. The Faces of Florence in Aleksandr Blok's *Italian Poems* // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 3. P. 861–870. DOI 10.15826/qr.2020.3.500 / Федякин С. Лики Флоренции в *Итальянских стихах* Александра Блока // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 3. С. 861–870. DOI 10.15826/qr.2020.3.500.

the flower made Blok remember Shakhmatovo, where he had looked after irises. A description of Florentine irises can also be found in a book by A. N. Beketov, the poet's grandfather. The image of irises creates a different impression of Florence. The combination of the two visible impressions is connected with the "special optics" of the poet. He found Leonardo da Vinci's oeuvre similar to his perception of the air, as "black". The colour inversion when something transparent looks black, like when someone sees another person's pupils, gives the poet the ability to see the world "from the outside" in its integrity. Such a vision also gives Blok the opportunity to combine the two images of one city.

Keywords: A. Blok, Florence; cycle of poems; V. Rozanov, A. N. Beketov, artistic image.

В центре исследования – первые два стихотворения Александра Блока из цикла «Флоренция», которые рисуют противоположные друг другу образы. Впечатления, отразившиеся в этих произведениях, связаны с пребыванием поэта в Италии в 1909 г. В первом стихотворении город сравнивается с Иудой: поэт увидел, что Флоренция предаёт свое великое прошлое ради благ цивилизации. Проклятия, насылаемые городу, заставляют вспомнить полемику В. В. Розанова и А. А. Блока о недавнем землетрясении в Мессине. Розанов воспринял трагедию взглядом сочувствующего человека, способного всматриваться в мельчайшие детали жизни. Для Блока, которого Розанов упрекал в равнодушии, Мессина – пролог к новым грядущим катастрофам в жизни человечества. Во втором стихотворении цикла город сравнивается с «ирисом нежным». Пафос отрицания в первом стихотворении заставил редактора журнала «Аполлон» отказаться от его публикации, хотя Блок пояснил в письме, что образ этот «выстраданный». Повлияли на восприятие Флоренции и приметы современной жизни, и судьба Данте, который был изгнан из родного города и нашел приют в Равенне, и эпизод с перевозкой покойника, свидетелем которого был Блок. Второй образ связан с переездом поэта в другую часть города, рядом с которой находился парк Кашине, где цвели ирисы. Образ этого цветка связан у поэта с родным Шахматовым, где он ухаживал за ирисами, описание флорентийских ирисов обнаруживается также в книге А. Н. Бекетова, деда поэта. Через образ ириса приходит другое впечатление о Флоренции, во многом противоположное первому. Это совмещение двух зримых впечатлений связано с особой оптикой поэта, который в живописи Леонардо да Винчи увидел родственное себе чувство, что «воздух черный». За цветовой инверсией, когда прозрачное видится как черное, как, например, человек видит зрачок другого человека, ощутима способность видеть мир «извне», в его целостности. Именно такое зрение и дает возможность поэту совместить два образа одного города.

Ключевые слова: А. Блок; Флоренция; стихотворный цикл; В. Розанов; А. Н. Бекетов; художественный образ.

Из поездки за границу (Италия, Германия) Блок с женой вернулся в июне 1909 г. «Итальянские стихи» будут писаться с 1909 по 1914 г., и часть из них Блок прочтет осенью в «Обществе ревнителей художественного слова». Редактор «Аполлона» Сергей Маковский, как и многие другие слушатели, впечатлен, и он готов печатать стихи в журнале. Маковский бросает замечания, Блок отвечает – редактор застывает в изумлении. Его смущают грамматические оплошности. Вот он читает «Равенну»:

Все, что минутно, все, что бренно,
Похоронила ты в веках.
Ты, как младенец, спишь, Равенна,
У сонной вечности в руках

[Блок, 1960–1963, т. 3, с. 98]¹.

Даже спустя десятилетия Маковский не может успокоиться: «Младенец спит на руках у матери, а не “в руках”» [Маковский, с. 153]. Не может он понять и упрямства Блока, который отвечает:

...всякая моя грамматическая оплошность в этих стихах *не случайна*, за ней скрывается то, чем я *внутренне* не могу пожертвовать; иначе говоря, мне так «поется» (т. 8, с. 301).

Поэт не настаивал на верности своего ощущения. В том же письме он пояснил:

Очень может быть, что, уйдя от стихотворения на известное расстояние, я смогу без жертвы найти эквивалент некоторым строчкам – более «грамотный»; может быть, при этом воспользуюсь именно Вашими указаниями, потому и благодарю Вас (там же).

Однако «ошибок» править не стал, отталкиваясь не от «грамматики», столь важной в этом маленьком споре для редактора, но от собственного ощущения творчества.

Пройдет чуть более двух десятилетий, и П. М. Бицилли, ученый с чутким слухом, объяснит ту особенность лирики Блока, которая приводила Маковского в недоумение. Ученого вовсе не удивляют «оплошности». Более того, стихи Блока, по его мнению, дают возможность вскрыть самые основы поэтического языка: «люди научились петь раньше, чем говорить», и лирика Блока «возвращается к своему первоисточнику, к своему лону, к Музыке» [Бицилли, с. 3]. При этом сам поэт, «сливая вместе, в одно “праслово”, целые фразы», приходит «к тому “пред-языку”, который выразительнее, целостнее всякого языка» [Там же].

¹ Далее при цитировании этого издания ссылки на него будут даваться в круглых скобках с указанием номеров томов и страниц.

Некогда что-то подобное произошло и с поэтом, к которому Блок в глубинных основах своего творчества близок.

Есть речи – значенье
Темно иль ничтожно,
Но им без волненья
Внимать невозможно
[Лермонтов, с. 304].

Одна строчка лермонтовского стихотворения «Из пламя и света рожденное слово...» вызвала весьма сходное нареkanie редактора А. А. Краевского: «по настоящему, по грамматике, надо сказать “из пламени и света”...» [цит. по: Щеголев, с. 18]. Лермонтов задумался. Но в ответе его («Печатай так, как есть» [Там же]) скрыто нечто, похожее на блоковское «так “поется”».

Речь поэтическая допускает вольности не потому, что поэт не может найти «правильный» вариант, но потому, что она в иные мгновения может приблизиться к «Божественному глаголу», о котором в «Пророке» сказал Пушкин, к «высокому косноязычью», о котором сказал в своем «Восьмистишии» современник Блока Гумилев.

В сущности, то же самое чувство высшей правды породило и строки другого стихотворения: «Умри, Флоренция, Иуда...» И здесь Блок уже попытался объяснить редактору самое необходимое: «это не кощунство, а “выстраданное” переживание, так что мне оставалось только вычеркнуть несколько совсем остервенелых строф» (т. 8, с. 295).

Но если грамматическую «оплошность» редактор все-таки принял, и «Равенна» Блока появилась на страницах «Аполлона» неисказенной, то «Флоренция-Иуда» в журнале места своего не нашла. Редакторская цензура готова была пропустить «неправильность» в языке, но не могла смириться с «неправильностью» идеологической.

Похоже, страшный образ смущал и самого поэта. Стихотворение он опубликовал в сборнике «Ночные часы» (1911), потом в «Собрании стихотворений» (1912). При новом издании «Собрания» (1916) «Флоренция-Иуда» в нем не появится [см.: Блок, 1916, с. 86–89]. Но в последнем издании (1921) Блок опять его восстановит.

За что он мог столь невзлюбить знаменитый город, говорят уже строки его стихов:

Хрипят твои автомобили,
Твои уродливы дома,
Всеевропейской желтой пыли
Ты предала себя сама!
(т. 3, с. 106).

Если вспомнить образ *клубов желтой пыли*, его роль в драме «Король на площади», очевидно, что Флоренция для Блока – город обреченный. Еще сильнее мотив проклятия звучит в письме к матери от 25–26 мая 1909 г.:

Остаются только несколько дворцов, церквей и музеев, да некоторые далекие окрестности, да Боболи (парк во Флоренции) – остальной прах я отрясаю от своих ног и желаю ему подвергнуться участи Мессины [Блок, 2015, с. 215].

За этой репликой – недавнее землетрясение в Италии, десятки тысяч погибших, собственная статья «Стихия и культура» (1908–1909) с предчувствием новых мировых бедствий, где увязаны подземные толчки с возмущением народной почвы (разные стороны наступившего времени катастроф). Тревожная статья Блока уже успела вызвать возмущение В. В. Розанова: тот увидел «глубокою безжалостность поэтического сердца» и декадентскую безответственность, которая позволила страшное событие, землетрясение в Мессине, использовать как «литературное впечатление» [Розанов, с. 331, 325–326].

Смысл блоковской статьи остался за пределами понимания рассерженного критика. В его выступлении оцутим иной взгляд на мир, самый способ смотреть. Некогда Розанов обрисовал два рода зрения: «телескоп удлинит видение», тогда как «микроскоп утончает его» [Сочинения Василия Васильевича Розанова, с. 518]. То же различие оцутимо в оптике его самого и в оптике Блока.

В горячих доказательствах Розанов прибегал к своей неизбывной любви к частной жизни и ко всякой малости:

Да, обыкновенные все люди жалеют каждый домик, а ученые и советуют строить дома в таких местах плоскими, низкими, не многоэтажными: тогда землетрясение не будет сопровождаться таким *разрушением* зданий и столькими *смертями* под обломками их. Но петербуржец Блок скачет через головы всех этих и объявляет – «чего жалеть», что половина Сицилии разрушена. Почему это он так сказал? Да потому, что ему *все равно*, а задача чтения – внушение ужаса слушателям – требовала, чтобы разрушилось как можно больше! [Розанов, с. 331].

Но за словами Блока светилось не равнодушие, а зловещее предчувствие. Он способен был и оцутить тончайшие движения души, и узреть крошечные силы в природе (хотя бы знаменитого «болотного попка»), но все даже самое малое существует для него под знаком всеобщих катастроф. Розанов всматривается в каждую мелочь, извлекая из нее далеко идущие выводы. Блок вслушивается в смутный гул истории, стараясь выразить обычным языком трудновыразимые предчувствия грядущих потрясений.

Но столь жесткий душевный отклик на современную жизнь Флоренции, разумеется, вызван не только ее «цивилизованностью». Флоренция, некогда изгнавшая Данте, не могла не отразиться в образе города-«Иуды» [см.: Небольсин, с. 321–322; Прозорова, с. 403]. Для Блока творчество великого флорентийца, его жизнь, само его имя – важная грань его собственного мироощущения. Об этом говорит

и написанная терцинами в том же 1909-м «Песнь ада», и неосуществленный замысел издать «Стихи о Прекрасной Даме» с прозаическими комментариями, как это сделал Данте в книге «Новая жизнь» (следы его остались в дневнике 1918 г.). Говорят об этом и сами «Итальянские стихи», где первое же стихотворение – «Равенна» – завершается строками:

Тень Данта с профилем орлиным
О Новой Жизни мне поет
(т. 3, с. 99).

Не мог не повлиять на образ города-«Иуды» и тот мрачный эпизод, случайным свидетелем которого Блок оказался. Краткая запись об этом (перевозка покойника по улицам города в специальное помещение) осталась записных книжках. Более подробное изображение события – в очерке «Маски на улице».

Блок-прозаик обладал столь же стереоскопическим видением мира, что и Блок-поэт. Процессия с мертвецом проносится бесшумно, «по-совиному» и «танцующим галопом». Следом «мечется по воздуху несчастная испуганная летучая мышь», и «в том же безумном галопе» (т. 5, с. 389). В очерке значимо наложение образов: «начало уродливой улицы», квартал, «загаженный отелями», «скука, пыль, вонь», тусклые фонари (там же, с. 388); двуколка с покойником издает звук – «сипенье, похожее на хрип автомобильного рожка» (там же, с. 389). Образ мертвеца с процессией соседствует с образом «цивилизованного» города. В записных книжках смысл этой образной системы раскрывается двумя короткими фразами: «Такова Флоренция с другой стороны. Это – ее правда» [Блок, 1965, с. 135]. Давнее изгнание Данте, мертвое тело, как нынешняя «изнаночная» жизнь города, – все это сопутствует общему чувству: Флоренция предала свои древности, свою суть ради благ цивилизации.

И все же Блок не был столь уж категоричен в своем отрицании:

Флоренция, ты ирис нежный;
По ком томился я один
Любовью длинной, безнадежной,
Весь день в пыли твоих Кашин!
О, сладко вспомнить безнадежность:
Мечтать и жить в твоей глуши;
Уйти в твой древний зной и в нежность
Своей стареющей души...
Но суждено нам разлучиться,
И через дальние края
Твой дымный ирис будет сниться,
Как юность ранняя моя

(т. 3, с. 107).

В окончательном виде цикла это второе стихотворение. И будто иное лицо города. В тихую его часть – пансион близ парка Кашине и реки Арно – Блоки переехали 14 мая, на следующий день после прибытия во Флоренцию. Река могла навеять впечатления детства о далеком 1883-м, когда с матерью и теткой М. А. Бекетовой он, еще не достигнув трех лет, посетил Флоренцию. Блок скажет в письме: «очень смутно помню направления только и, пожалуй, – Арно» [Блок, 2015, с. 214]. Парк с его изобилием ирисов мог напомнить Шахматово (забота о шахматовских ирисах оставила свой след в записных книжках и письмах [см.: т. 8, с. 242; Блок, 1965, с. 75; Блок, 2015, с. 96]).

«Ирис становится для Блока одной из эмблем Флоренции, – замечено в одном исследовании, – он постоянно упоминается в стихах об этом городе» [Щербакова, с. 386]. К этому можно добавить, что и в упомянутой блоковской статье появляются «голубые ирисы в Кашинах» давая важный финальный образ: «Когда случайный ветер залетит в неподвижную полосу зноя, все они, как голубые огни, простираются в одну сторону, точно хотят улететь» (т. 5, с. 389–390)².

Растения в жизни Блока вообще играли особую роль. Не случайно в «Автобиографии» он вспомнит о своих прогулках с дедом, известнейшим ученым:

...Мы часами бродили с ним по лугам, болотам и дебрям; иногда делали десятки верст, заблудившись в лесу; выкапывали с корнями травы и злаки для ботанической коллекции; при этом он называл растения и, определяя их, учил меня начаткам ботаники, так что я помню и теперь много ботанических названий (т. 7, с. 8).

И образ ириса мог прийти не только из впечатлений от Кашине, не только из воспоминаний о Шахматове, но еще и из давних разговоров с дедом, и даже из его книги. Этот том хранился в библиотеке поэта. На шмуцтитуле значится надпись: «Милому моему Сашуреночке от автора. А. Бекетов» [Библиотека А. А. Блока, с. 27]. На одной из страниц – описание растения «*iris tuberosa*»:

Цветок его распускается около Флоренции, где это растение очень обильно, в марте месяце. Он очень нежен, отогнутые части его наружных покроволистиков темного коричневатого цвета с бархатным отливом, а основание их и лепестковидные рыльца зеленоватые и стекляннстые. Листья четырехгранные [Бекетов, с. 417].

В стихотворении о городе-«Иуде» отразился отчужденный взор поэта. Там, где он говорит: «ты ирис нежный», – почти «домашний» взгляд. Второе стихотворение цикла как бы уравнило впечатление от первого.

² Конечно, можно предположить, что рождению образа способствовал и герб города (по одной версии, на нем изображены не лилии, но ирисы). Но живые цветы в общем контексте итальянских впечатлений значили для поэта большее.

И все же иной – с ирисами – лик Флоренции не мог бы появиться без еще одного важного впечатления. Два сюжета дала поэту Флоренция: город, предавший самое себя, свое прошлое, – и чувство черного воздуха, черного неба. «Благовещенье» Леонардо да Винчи побудит его занести в записную книжку: «А он понимал, кажется, что воздух – черный...» [Блок, 1965, с. 137].

Чернотой того, что обычным взором ощущается как голубое или прозрачное, отмечено позднее творчество Блока. Подспудно этот цвет присутствует в названии одной из главных его поэтических книг – «Ночные часы» (1911), позже «черное» будет главенствовать в третьей книге «Собрания стихотворений».

Часто этот цвет у Блока связывают с идеей мирового хаоса. У самого поэта можно найти немало реплик, которые дают возможность именно так истолковать его восприятие «черного». В письме к матери он пишет, что Леонардо «тревожит, мучает и погружает в сумрак, в “родимый хаос”» [Блок, 2015, с. 218]. В письме к Е. П. Иванову – нечто сходное:

О том, что мир явлений телесных и душевных есть только хаос, нечего распространяться, это должно быть известно художнику (и было известно Эшхилу, Данту, Пушкину, Беллини, Леонардо, Микель-Анджело и будет известно будущим художникам) (т. 8, с. 292–293).

Верно и наблюдение, что «черный» при блоковском «прозрении иных миров» противопоставлен «желтому», «всеевропейской желтой пыли» [Дзуцева, Кулыгина, с. 303].

И все-таки внезапное понимание («воздух – черный») не сводится только к цвету. И не случайно к «черному небу» в «Итальянских стихах» незримые нити притягивают и «черный взор блаженной Галлы», и «черный глаз», который «смеется», и «непостижимо черный взгляд»³. А в стихотворении «Жгут раскаленные камни...» рядом с «черным небом» появляется «черная душа» самого поэта (т. 3, с. 108). В записных книжках Блок отсылает к Леонардо, и, значит, мы можем говорить об особой оптике поэта.

Днем воздух кажется прозрачным. Ночь (жизнь без солнечного света) может дать совсем иное представление о воздухе. И все же ночь – это и лунный свет, и мерцание звезд, и столь важный для блока полет комет, и линии, прочерченные метеорами. Лучи, пусть даже слабые, все же выхватывают из черноты отдельную часть земного мира.

У Блока зрение земное сплавлено со зрением иным. Эта цветовая инверсия заставляет вспомнить его оптику, столь отличную от оптики Розанова, его «зрительного» антипода. Воздух Блок способен вдруг увидеть не «изнутри», а «снаружи», каким видится чужой зрачок. Неземное зрение, взгляд из мироздания – особенно если оно явилось

³ Стихотворения «Равенна», «Перуджия» и «Вот девушка, едва развившись...» (т. 3, с. 97, 105, 110).

вдруг – способно растревожить (некоторое волнение ощутимо в записи о Леонардо). Это столь же неожиданно, как если внезапно понять сложную неевклидову геометрию окружающего нас мира.

Но видеть мир «извне» – это видеть мир в его целостности, во всем явленном многообразии. При особом зрении поэта, способного ощутить «черное небо Италии», он и на Флоренцию должен был устремить свой необыкновенный «стереоскопический» взгляд. Потому-то рядом с городом «мертвецов», с «Флоренцией-Иудой» и должна была появиться другая Флоренция, в которой дышало что-то домашнее и родное, символом чего и стали ирисы. «Нежные» ирисы, как писал дедушка Блока А. Н. Бекетов, или «ирис нежный», как произнес сам поэт.

Список литературы

- Бекетов А. Н.* Из жизни природы и людей. СПб. : Тип. А. М. Котомина, 1870. 445 с. Библиотека А. А. Блока. Описание. Кн. 1. Л. : БАН, 1984. 315 с.
- Бицилли П.* Литературные эксперименты. 2. Блок // Россия и славянство (Париж). № 197. 1932. 3 сент. С. 3.
- Блок А. А.* Стихотворения. Книга третья (1905–1914). М. : Мусагет, 1916. 272 с.
- Блок А. А.* Собрание сочинений : в 8 т. М. ; Л. : Худ. лит., 1960–1963.
- Блок А. А.* Записные книжки. 1901–1920. М. : Худ. лит., 1965. 663 с.
- Блок А. А.* Письма к родным. М. : Терра : Кн. клуб «Книговек», 2015. 699 с.
- Дзуцева Н. В., Кулыгина В. В. А.* Блок и Вяч. Иванов: мифологема Италии // Шахматовский вестник. Вып. 10–11. М. : Наука, 2010. С. 297–309.
- Лермонтов М. Ю.* Собрание сочинений : в 4 т. СПб. : Изд-во Пушкин. Дома, 2014. Т. 1. Стихотворения. 778 с.
- Маковский С.* На Парнасе «Серебряного века». Мюнхен : Изд. центр. объединения полит. эмигрантов из СССР, 1962. 364 с.
- Небольсин С.* Александр Блок и современное западное литературоведение // Русская литература и ее зарубежные критики. М. : Худ. лит., 1974. С. 302–342.
- Прозорова Н. Г.* «В тени Данте»: А. Блок и И. Бродский // Шахматовский вестник. Вып. 10–11. М. : Наука, 2010. С. 401–415.
- Розанов В. В.* Собрание сочинений. О писательстве и писателях / под общ. ред. А. Н. Николюкина. М. : Республика, 1995. 734 с.
- Сочинения Василия Васильевича Розанова / под ред. В. Г. Сукача. М. : Прогресс-Плеяда, 2009. Т. 2. Красота в природе и ее смысл и другие статьи: 1882–1890. 634 с.
- Щеголев П. Е.* Книга о Лермонтове : [в 2 кн.]. [Л.] : Прибой, 1929. Вып. 2. 248 с.
- Щербакова Т. В.* Итальянские циклы стихов А. Блока и С. Городецкого: сопоставительная характеристика // Шахматовский вестник. Вып. 10–11. М. : Наука, 2010. С. 381–392.

References

- Beketov, A. N. (1870). *Iz zhizni prirody i lyudei* [From the Life of Nature and People]. St Petersburg, Tipografiya A. M. Kotomina. 445 p.
- Biblioteka A. A. Bloka. Opisanie* [The Library of A. A. Blok. A Description]. (1984). Book 1. Leningrad, Biblioteka Akademii nauk. 315 p.
- Bizilli, P. (1932). *Literaturnye eksperimenty. 2. Blok* [Literary Experiments. 2. Blok]. In *Rossiya i slavyanstvo (Parizh)*. 3 September. No. 197, p. 3.
- Blok, A. A. (1916). *Stikhotvoreniya. Kniga tret'ya (1905–1914)* [Poems. Book Three (1905–1914)]. Moscow, Musaget. 272 p.
- Blok, A. A. (1960–1963). *Sobranie sochinenii v 8 t.* [Collected Works. 8 Vols.]. Moscow, Leningrad, Khudozhestvennaya literatura.

- Blok, A. A. (1965). *Zapisnye knizhki. 1901–1920* [A Writer's Notebook. 1901–1920]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. 663 p.
- Blok, A. A. (2015). *Pis'ma k rodnym* [Letters to Family]. Moscow, Terra, Knizhnyi klub "Knigovek". 699 p.
- Dzutseva, N. V., Kulygina, V. V. (2010). A. Blok i Vyach. Ivanov: mifologema Italii [A. Blok and Vyacheslav Ivanov: The Mythologeme of Italy]. In *Shakhmatovskii vestnik*. Iss. 10–11. Moscow, Nauka, pp. 297–309.
- Lermontov, M. Yu. (2014). *Sobranie sochinenii v 4 t.* [Collected Works. 4 Vols.]. St Petersburg, Izdatel'stvo Pushkinskogo Doma. Vol. 1. Stikhotvoreniya. 778 p.
- Makovsky, S. (1962). *Na Parnase "Serebryanogo veka"* [On the Parnassus of the Silver Age]. Munich, Izdatel'stvo Tsentral'nogo ob"edineniya politemigrantov iz SSSR. 364 p.
- Nebol'sin, S. (1974). Aleksandr Blok i sovremennoe zapadnoe literaturovedenie [Alexander Blok and Modern Western Literary Studies]. In *Russkaya literatura i ee zarubezhnye kritiki*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, pp. 302–342.
- Prozorova, N. G. (2010). "V teni Dante": A. Blok i I. Brodskij ["In the Shadow of Dante": A. Blok and J. Brodsky]. In *Shakhmatovskii vestnik*. Iss. 10–11. Moscow, Nauka, pp. 401–415.
- Rozanov, V. V. (1995). *Sobranie sochinenii. O pisatel'stve i pisatelyakh* [Collected Works. On Writing and Writers] / ed. by A. N. Nikol'yukin. Moscow, Respublika. 734 p.
- Shchegolev, P. E. (1929). *Kniga o Lermontove v 2 kn.* [A Book about Lermontov. 2 Books]. [Leningrad], Priboi. Iss. 2. 248 p.
- Shcherbakova, T. V. (2010). Ital'yanskie tsikly stikhov A. Bloka i S. Gorodetskogo: sopostavitel'naya kharakteristika [Italian Cycles of Poems by A. Blok and S. Gorodetsky: Comparative Characteristics]. In *Shakhmatovskii vestnik*. Iss. 10–11. Moscow, Nauka, pp. 381–392.
- Sukach, V. G. (Ed.). (2009). *Sochineniya Vasiliya Vasil'evicha Rozanova* [Works by Vasily Vasilyevich Rozanov]. Moscow, Progress-Pleyada. Vol. 2. Krasota v prirode i ee smysl i drugie stat'i: 1882–1890. 634 p.

The article was submitted on 12.06.2019